
В. С. ЛЕВИЦКИЙ

ТЕМАТИЗАЦИЯ МОДЕРНА В ДИСКУРСЕ ОБ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

В статье анализируется один из магистральных вариантов тематизации модерна – дискурс об индустриализации. Осознание невозможности выведения генезиса современного разума из традиции привело к необходимости поиска путей его самообоснования. Среди характерных черт нового типа общества мыслителями рубежа XVIII–XIX вв. были выделены его связь с наукой и техникой. Так дискурс об индустриализации стал вариантом самоописания современного разума. В статье выделяется три этапа развития данного дискурса, от просвещенческих представлений о фундаментальной роли науки и техники в организации социального бытия (Ж. А. Кондорсе, А. Сен-Симон, О. Конт), через классические теории индустриального общества (Р. Арон, У. Ростоу, Дж. Гэлбрейт) к современным теориям постиндустриального, информационного общества, осмысляющим знание и технологии как главные факторы современных социальных трансформаций (Д. Белл, Э. Тоффлер, Ф. Махлуп, Т. Умесао, Й. Масуда, Ю. Харари). Отдельно выделяется соответствующий контр-дискурс, в котором концептуализируется недостаточность методологии дискурса об индустриализации, а наука и техника понимаются как следствие трансформации культурной онтологии (Э. Юнгер, М. Хайдеггер). Принимая во внимание эти концепции, в статье делается вывод о важности дискурса об индустриализации для понимания роли науки и техники как существенных факторов становления и развития современного общества, но в то же время указывается на его недостаточность для осмысления модерна как особой социальной реальности.

Ключевые слова: *модерн, индустрия, наука, техника, информация, постиндустриальное общество, дискурс.*

This article analyzes one of the main alternatives of thematization of modernism – the discourse on industrialization. The awareness of the impossibility for deriving the genesis of modernist reasoning from tradition has led to the need to find the ways of self-justification. Among the characteristic features of a new type of society, the thinkers of the turn of the 18th –19th centuries re-

vealed its connection with science and technology. So the discourse on industrialization has become a variant of self-description for the modernist reasoning. The article identifies three stages in the development of this discourse, from the Enlightenment ideas about the fundamental role of science and technology in the organization of social life (Condorcet, Saint-Simon, and Comte), through the classical theories of industrial society (Aron, Rostow, and Galbraith) to the modern theories of the post-industrial information society which conceptualize knowledge and technology as main factors of modern social transformations (Bell, Toffler, Mahlup, Umesao, Masuda, and Harari). The corresponding counter-discourse is defined separately, in which the insufficiency of the methodology of the discourse on industrialization is conceptualized, and science and technology are understood as a consequence of the transformation of cultural ontology (Jünger and Heidegger). Taking into account these concepts, the article concludes that the discourse on industrialization is important for understanding the role of science and technology as essential factors in the formation and development of modern society, but at the same time, it is insufficient for understanding modernism as a peculiar social reality.

Keywords: modernism, industry, science, technology, information, post-industrial society, discourse.

Тематизация модерна в дискурсе об индустриализации

В книге «Философский дискурс о модерне» Ю. Хабермас обосновывает позицию, согласно которой модерн является уникальной эпохой, не ищущей своего обоснования в прошлом. Г. В. Ф. Гегель же, по мысли Хабермаса, был первым философом, понявшим это и предложившим свою систему самообоснования модерна: «Гегель – не единственный философ, который принадлежал к времени модерна, но он первый философ, для которого модерн стал проблемой» [Хабермас 2003: 49]. Традиция не могла больше выступать образцом и быть принципом нормативности для современности, эпоха искала варианты самопонимания и легитимации.

Касательно самого словоупотребления Хабермас указывает, что «*moderntimes* и, соответственно, *tempsmodernes* обозначали к 1800 г. три последние, к тому времени истекшие столетия. Открытие Нового Света, а также Ренессанс и Реформация – эти три великие события, произошедших около 1500 г., образуют порог между Новым временем и Средними веками» [Там же: 10–11]. Немецкий философ отмечает, что это было новым пониманием ис-

торического процесса, так как для христианского сознания «новые времена» эсхатологически нагружены и их начало связано со Страшным судом. Еще «Философия мировых эпох» Ф. Шеллинга свидетельствует именно о таком понимании. Профанное же понимание «нового времени» говорит о том, что будущее уже началось.

Новая историческая ситуация требует адекватного ей осмысления. Объяснить себя (эпоху) из развития прошлого стало невозможно, что особенно подчеркивает Ю. Хабермас: «...время модерна достигло своего самосознания посредством рефлексии, которая запрещала систематическую апелляцию к прошлым временам, принимаемым в качестве примера» [Хабермас 2003: 38]. В связи с этим начинают развиваться несколько магистральных для самопонимания модерна дискурсов, в которых он пытается найти не только собственную природу и идентичность, в них происходит и сам процесс конституирования модерна. Это путь поиска современным разумом собственной самости, где он стремится отыскать собственную сущность, выстроив тем самым линию самообоснования. К таким дискурсам следует отнести дискурс об индустриализации, модернизации и глобализации. Отдельно следует указать на дискурс о секуляризации, в котором культурный разум, ища самоидентификации, осознает себя как все более эмансипирующийся от религиозных смыслов. Все они являются вариантами тематизации дискурса о модерне. Соответственно, их рассмотрение дает понимание природы модерна. Ниже представлен анализ одного из них – дискурса об индустриализации.

Хотя уже Ж. А. де Кондорсе в конце XVIII в. в работе «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» высказал общую для своего времени мысль о зависимости прогресса от технологического уклада, тем не менее основателем дискурса об индустриализации принято считать другого французского мыслителя – А. де Сен-Симона. В «Письмах женевого жителя к своим современникам» он обосновывает необходимость делегирования всей власти в обществе науке и искусству, говорит, что пришло время, когда место Александра должен занять Архимед, а новой религией должно стать ньютоновство. Сен-Симон убежден, что будущее принадлежит индустриалам, всем, так или иначе трудящимся в сельском хозяйстве и промышленности, конечная же цель

исторического прогресса предстает в виде индустриального общества, построенного на идеалах науки. В «Катехизисе промышленников» французский философ пишет: «Промышленный класс должен занять первенствующее положение, потому что он важнее всех, потому что он может обходиться без всех других классов, но никакой другой класс не может обходиться без него, потому что он существует своими собственными силами и своим личным трудом... так как все делается благодаря промышленности, то все должно делаться для нее» [Сен-Симон]. Сен-Симон именно в промышленности видит природу современности и именно с индустрией связывает надежды на будущее.

Ученик А. Сен-Симона О. Конт последовательно развил его идеи. В известной концепции трех стадий человеческой истории последняя, позитивная стадия, начавшаяся, по мнению автора, в XIX в. и представляющая, собственно говоря, первое адекватное состояние человеческого общества, связывается с развитием науки и техники. Наиболее характерной чертой этой стадии является влияние промышленности на все сферы общества. О. Конт вслед за своим учителем верил, что история Европы – это превращение военного общества в индустриальное с руководящей ролью науки. В последующем, в работах, например, Дж. С. Милля, индустриальное общество стало отдельным предметом анализа, который позволил понять его как сложный многоуровневый механизм.

В XX в. техника действительно заняла особенное положение в системе как хозяйствования, так и общественной организации в целом, что породило целый ряд специальных исследований, осмысляющих современное им общество как индустриальное. Одним из первых, кто поставил вопрос таким образом, был австрийско-американский экономист, не часто фигурирующий в философском дискурсе, – П. Друкер. Именно он еще в начале 40-х гг. издал книгу «Будущее индустриального человека», а через семь лет, в 1949 г., уточнил свои ранние идеи в работе «Новое общество. Анатомия индустриального строя». Рождение такого строя он датирует началом века и видит в корпорациях и крупных предприятиях его основу. В современной П. Друкеру действительности мыслитель выделяет две формы индустриального общества: капиталистическое

и социалистическое, имеющих, по его мнению, единое начало – индустрию.

Другим признанным теоретиком индустриального общества является У. Ростоу. В своей теории стадий роста он предложил альтернативное марксизму понимание исторической динамики, связанное не с развитием производственных отношений, а с технологическими новациями. Название его произведения в этом смысле вполне симптоматично: «Стадии экономического роста: некоммунистический манифест». В этой работе У. Ростоу выделяет пять стадий общественного развития: традиционное общество, предпосылки взлета, взлет, приход к зрелости и век высокого массового потребления.

Схематично теория американского экономиста выглядит следующим образом. Относительно первой стадии Ростоу пишет: «Традиционным мы называем общество, структура которого определяется его ограниченными производственными функциями, опирающимися на доньютоновскую науку и технологию и доньютоновские представления о внешнем мире» [Ростоу 1961: 15]. Главная особенность этой стадии связана с лимитом производства на душу населения в связи с недостаточным развитием техники, стадия продолжалась до XVII столетия.

Предпосылки для взлета. Наука и техника предоставили новые производственные возможности как для сельского хозяйства, так и для промышленности, начали развиваться мировые рынки, появилось сильное национальное государство (для наиболее развитых стран это конец XVIII – начало XIX в.).

Взлет. Преодолены все блоки, не дававшие возможности стабильно развиваться, казалось, экономический подъем теперь станет аподиктическим атрибутом исторического развития. На это указывали постоянное повышение технического уровня сельского хозяйства и промышленности, появление новых форм транспорта, связи, инфраструктуры, стремительный рост городов (до конца XIX – начала XX в.).

Приход к зрелости. Выход экономики за пределы первичной промышленности: к углю, стали и железным дорогам добавилось производство станков, химических веществ и электрооборудования. Это первая стадия в истории, когда человек смог сознательно

выбирать, что производить: техника не ограничивала выбор (первая половина XX в.).

Век высокого массового потребления. Стадия характеризуется смещением экономики от производства к потреблению. Произошли две системные трансформации: 1) повысился индивидуальный доход, который теперь позволял выйти за рамки базовых потребностей (еда, одежда, жилье); 2) в обществе появился новый класс – средний класс «синих воротничков».

Уже через 11 лет после публикации «Стадий экономического роста», в 1971 г., У. Ростоу публикует работу «Политика и стадии роста», где критически оценивает век массового потребления. Он констатирует рост цен, ухудшение экологической ситуации, низкий уровень экономического роста, нарастание проблем больших городов и т. д. В связи с этим он предложил шестую стадию – стадию поиска качества жизни. Ее характерные черты: концентрация на сфере услуг, особенно досуге, появление медицины как отдельного сектора экономики и т. п.

Параллельно с У. Ростоу теорию индустриального общества развивал Д. Гэлбрейт. В своей работе «Новое индустриальное общество» (1967 г.) он обосновывал, что именно техника обеспечила переход человечества от традиции к современности. Особенно интенсивно этот процесс проходил последние несколько десятилетий. «Сам факт перемен не вызывает никаких сомнений. В течение последних семидесяти лет и особенно после того, как началась Вторая мировая война, нововведения и изменения в экономической жизни были огромны, с какой бы меркой к ним ни подходить. Самое очевидное из них – применение все более сложной и совершенной техники в сфере материального производства», – пишет американский экономист [Гэлбрейт 2004: 14–15]. Он указывает, что техника потребовала изменения самих форм хозяйствования, главной особенностью экономической деятельности становится планирование. В условиях современных предприятий, превратившихся в корпорации с десятками тысяч сотрудников и миллионами производственных операций, планирование всего процесса производства становится фундаментальной задачей. В связи с этим Д. Гэлбрейт делает два вывода. Первый касается организации экономической деятельности, в которой впервые появляется отдель-

ный кластер управленцев, принимающих решения. Автор называет его техноструктурой и указывает, что на современных предприятиях, вне зависимости от формы собственности, именно им принадлежат функции руководства. Второе умозаключение можно соотнести с позицией П. Друкера: Д. Гэлбрейт подчеркивает, что капиталистическое и социалистическое общества – это разные формы одной субстанции – индустриального общества. Так, он пишет: «Требования, диктуемые техникой и организацией производства, а не идеологические символы – вот что определяет облик экономического общества» [Гэлбрейт 2004: 23]. Суть современного общества – индустрия, главная функциональная структура – техноструктура, форма хозяйствования является лишь идеологической надстройкой над технологическим базисом.

Техника в концепции Д. Гэлбрейта наделяется не только экономическими или производственными атрибутами, но выступает в какой-то степени также в аксиологическом и телеологическом контексте. «И снова мы обнаруживаем, – пишет Д. Гэлбрейт, – что совершенствование техники, как показывает сам термин, безоговорочно признается в качестве цели общества. Оно – свидетельство прогресса. Оно – синоним достижений общества» [Там же: 256].

В этот период европейская рецепция индустриального общества представлена прежде всего ставшим классическим произведением Р. Арона «Восемнадцать лекций об индустриальном обществе». Французский философ дает следующую дефиницию индустриальному обществу – это общество, где «промышленность, крупная промышленность была бы наиболее характерной формой производства» [Арон 1996: 8]. В этой связи он развивает мысль, свойственную и американскому дискурсу, об изоморфности капиталистического и социалистического строя, являющихся разными вариантами индустриального общества. Их отличия состоят только в форме собственности на средства производства и политическом режиме. Такая убежденность относительно главных на тот момент цивилизационных конкурентов позволяет французскому философу надеяться на их объединение в будущем.

Что касается непосредственного анализа индустриального общества, Р. Арон выделяет пять его главных характерных особенностей. Первая: радикальный разрыв между семьей и предприятием –

семья перестала быть единицей экономической жизни, уступив место большим корпорациям. Вторая: индустриальному обществу свойственно оригинальное разделение труда: кроме внешнего разделения на торговцев, фермеров, рабочих и т. д. вводится внутреннее разделение со все большей специализацией внутри самого предприятия. Третья: индустриальное производство требует постоянного накопления капитала с дальнейшим его инвестированием в модернизацию. Четвертая: четкое рациональное планирование всех этапов производства и сбыта, без этого не может обойтись ни одно современное предприятие. Пятая: концентрация рабочей силы в местах трудовой деятельности, что сразу поднимает проблему урбанизации.

Таким образом, Р. Арон также связывает сущностную природу модерна с промышленностью и показывает, какие формы приобретает общество, на ней базирующееся. Политические же и экономические режимы являются всего лишь разными вариантами единого индустриального общества.

Для этой стадии развития дискурса об индустриализации важно отметить его идеологическую нагруженность. Кроме интеллектуальных поисков в нем происходит и мировоззренческое противостояние. Вопрос даже не о статусе в официальной властной иерархии некоторых авторитетнейших авторов теорий индустриального общества (У. Ростоу был советником президента США по национальной безопасности, Д. Гэлбрейт – послом США в Индии, советником двух американских президентов). Дело в том, что «идеологический фронт» проходил внутри самого дискурса. Согласно обоснованной в нем логике общественного развития, у капиталистического и социалистического общества одно основание – индустрия. Исторический опыт показывает, что и с точки зрения экономической эффективности, и с позиции индивидуального потребителя капиталистический мир более успешен и эффективен. Соответственно, весь мир должен сойтись в единой точке, но в отличие от концепции конвергенции на социалистической основе точкой этой, согласно теории индустриализации, должна стать капиталистическая форма хозяйствования. Такая максима поддерживается не только американскими мыслителями, Р. Арон, показывая преимущества капиталистического мира, пытается развеять левый

«опиум», который стал так популярен в среде современных ему французских интеллектуалов.

Буквально десятилетие спустя объяснительного потенциала теорий индустриального общества стало не хватать, стремительные изменения в промышленности и социальной жизни подталкивали социальных теоретиков к поиску новых дефиниций общественного устройства. Посткапиталистическое общество Р. Дарендорфа, постбуржуазное – Дж. Лихтхейма, постсовременная эпоха А. Этциони, постцивилизационная эпоха К. Боулдинга, постколлективистская политика С. Бира приводят Д. Белла к мысли о том, что мир подошел к черте, за которой следует его новая организационная форма. В своей знаменитой книге он называет ее постиндустриальным обществом.

Сам автор «Грядущего постиндустриального общества» определяет его так: «Понятие “постиндустриальное общество” делает упор на центральное место теоретических знаний как на тот стержень, вокруг которого будут организованы новые технологии, экономический рост и социальная стратификация» [Белл 2004: 152]. В этом смысле Д. Белл является типичным представителем дискурса об индустриализации. Он делит всю историю человечества на три периода в зависимости от технологического уклада: доиндустриальную эпоху, индустриальную и постиндустриальную. Как и многие социальные теоретики до него, он не замечает различия между социалистическим и капиталистическим обществами, считая их разными проявлениями одного, индустриального общества. С развитием теоретического знания связывает он текущие и будущие социальные изменения.

Одно из них – появление постиндустриального общества, датированное американским мыслителем периодом между 1945 и 1950 гг. Связано это с двумя событиями: первое – разработка и успешное использование атомного оружия, продемонстрировавшее силу теоретической физики, второе – создание первого клавишного компьютера ENIAC, открывшего невиданные до того возможности в работе с информацией. Эти два события дали понять, что главной ценностью грядущего общества станут не производство или собственность, а знание.

Такое изменение в технологическом базисе влияет как на экономическую жизнь, так и на социальную стратификацию. Д. Белл считает деление общества на собственников средств производства и пролетариат устаревшим и соответствующим только индустриальной эпохе, сегодня следует говорить о новой паре: профессионалы и масса. Все больший вес набирают «белые воротнички», центр экономической жизни смещается из сферы производства к сектору услуг, в котором все значимее становятся медицина и образование. Как критерий успешности общества знание заменяет сталь. Это влияет и на властные отношения, в которых все большее значение приобретают технократы. Д. Белл следующим образом суммирует произошедшие изменения: «...в экономике – сдвиг от обрабатывающих отраслей к сфере услуг; в технологии утверждается ведущая роль основанных на науке отраслей промышленности; в социологическом измерении формируются новые технократические элиты и возникает новый принцип стратификации» [Белл 2004: 661]. Далее он приходит к выводу, что такое общество по праву можно назвать и информационным, что является сегодня очень популярной дескрипцией современного социума.

В 1980 г. вышла еще одна футуристическая работа, которая стала классической для данного дискурса, – Элвин Тоффлер опубликовал свою «Третью волну». В ней автор представляет всю историю в виде трех технологических волн, следующих одна за другой. Первую он называет аграрной, которая длилась до 1650 г., охватывала всю планету и характеризовалась тем, что земля была основой экономики. Имело место достаточно простое разделение труда и существовало несколько каст: знать, духовенство, воины, рабы, крепостные и т. д. Власть была авторитарной, а происхождение имело определяющее значение. Вторая, индустриальная волна, началась с промышленной революции и стала «отходить» в середине XX в., как раз когда «накрыла» весь мир. Это период стремительного промышленного развития, массового производства и потребления. Техника становится главной действующей силой цивилизации, это, собственно говоря, и есть водораздел между традицией и современностью. В этот период национальные государства становятся главными субъектами международной политики. Третья волна, которая началась в 50-е гг. XX в., по мнению Э. Тоффлера,

должна охватить весь мир к 2025 г. Главными характеристиками этой волны являются информация и знание. Электроника, компьютерная техника, космическое производство, использование океанских глубин, биоиндустрия – вот те новые отрасли, которые будут доминирующими в этот период. В связи с этим американский футурист констатирует происходящие трансформации социума и его структур: все большее значение приобретают средний класс и управленцы, информация становится полноценным товаром, значение фундаментальной и прикладной науки возрастает с каждым днем.

Понимание знания как главной действующей силы общественного прогресса привело к детальной разработке специальных теорий: информационное общество (Ф. Махлуп, Т. Умесао, Й. Масуда, Г. Бехманн), общество знания (Г. Вильке), сетевое общество (Л. Болтански), общество риска (У. Бек) – все это концепции, которые рассматривают знание как определяющий фактор современного социального бытия. Этот список можно расширить за счет работ популярного сегодня израильского мыслителя Юваля Харари, видящего в знании и технологиях основной фактор эволюционных дивергенций. В силу стремительного развития технологий искусственного интеллекта и биотехнологий сегодня все чаще говорят о наступлении технологической сингулярности (В. Виндж, Р. Курцвейл).

Изменившийся статус технологий очень точно подметил В. В. Миронов: «Технологии из чисто вспомогательного средства, увеличивающего комфортность жизни людей, превращаются в самостоятельный доминирующий фактор, вынуждая человека следовать предписанным алгоритмам, которые не всегда могут его устраивать» [Миронов 2019: 9].

В целом в российском философском дискурсе проблемам индустриального (постиндустриального, информационного) общества посвящено большое количество работ. Еще в конце XX в. В. С. Степин предложил концепт «техногенная цивилизация», подчеркивающий зависимость современного общества от технического развития. В совместной работе Л. Ф. Кузнецова и В. С. Степин пишут: «Главным фактором, который определяет процессы изменений социальной жизни, становится развитие техники и технологии, которые проходят все более спрессованные циклы обновления» [Сте-

пин, Кузнецова 1994: 4]. В свою очередь, принимая во внимание концепцию техногенной цивилизации, В. А. Кутырев акцентирует внимание на рисках, связанных с развитием данного типа цивилизации, а Э. С. Демиденко выступает с критикой постиндустриального общества. Э. Г. Соловьев анализирует различные аспекты информационного общества. В. Н. Гончаров призывает сбалансировать технологический и информационный прогресс с социальным. К. Х. Момджян обращает внимание на социально-философскую проблематику модернизирующихся обществ в целом и вопросы модернизации России в частности. В. В. Миронов отмечает глубинную общекультурных вызовов, связанных с развитием современных технологий в области искусственного интеллекта и *BigData*.

К современному этапу развития дискурса об индустриализации также можно отнести «Манифест акселерационистской политики» А. Уильямса и Н. Шрничека (2013 г.). Авторы заявляют, что актуальная скорость технологического развития неудовлетворительна и что главной сдерживающей силой на пути раскрытия технологического потенциала является политика неолиберализма. Британские теоретики уверены, что новый технологический уклад позволит решить накопившиеся проблемы человечества и потребует новой же социальной организации. «Мы хотим ускорить процесс технологической эволюции, – пишут авторы “Манифеста”. – <...> Мы заявляем, что лишь политика Прометея – политика, стремящаяся к максимальной власти над обществом и природой, – способна решить глобальные проблемы и достичь в итоге победы над капиталом» [Уильямс, Шрничек 2018: 14, 18]. Ускорение технологического развития, по мысли авторов «Манифеста», должно привести к новой, более справедливой социальной организации.

Обобщая, можно сделать несколько заключений. Во-первых, выделить три этапа становления дискурса об индустриализации. Первый – зарождение дискурса в недрах просвещенческой мысли, видящей в науке и технике новый метод организации социального бытия (Ж. А. Кондорсе, А. Сен-Симон, О. Конт). Второй этап связан с классическими теориями индустриального общества, признающими в нем базис социального развития (Р. Арон, У. Ростоу, Дж. Гэлбрейт). Третий – это осмысление современного общества как постиндустриального, где знание, информация и технологии

становятся главными действующими силами прогресса (Д. Белл, Э. Тоффлер, Ф. Махлуп, Т. Умесао, Й. Масуда, Ю. Харари). Во-вторых, указать на понимание в дискурсе об индустриализации науки и техники как базиса общественного развития, который является фундаментальным инвариантом всех современных обществ. И отсюда, в-третьих, техника понимается как способ разрыва с традицией и определенный «вход» в современность, индустриализация и модернизация становятся в таком случае синонимами. Соответственно, исходя из такой самоидентификации, ценностная сфера для модерна сводится к имманентному пространству, поддающемуся технической обработке, телеология же фокусируется на стремлении ко все более эффективным технологическим решениям в области материального. Очевидно, что в таком мире нет места традиционным ценностям, например семейным, а наиболее желанной целью может быть новая модель *iPhone*, но не спасение души. Таким образом, в дискурсе об индустриализации модерн конституируется как уникальный для истории тип общества, основанием которого выступают наука и техника, что влечет за собой соответствующие трансформации в области онтологии, аксиологии, телеологии и т. д.

Практически сразу с появлением дискурса об индустриализации возник и контрдискурс, с позиции практических и теоретических оснований критикующий его базовые положения (Ж.-Ж. Руссо, луддиты, Ф. Ницше и др.). Вместе с тем, наверное, наиболее пронизательный взгляд на природу техники, подчеркивающий ее несамостоятельность, принадлежит двум немецким философам – Э. Юнгеру и М. Хайдеггеру. В своем программном произведении «Рабочий. Господство и гештальт» (1932 г.) Э. Юнгер обосновывает совершенно нетривиальный подход к техническому. Техника для него не есть просто инструмент по преобразованию мира, так же мало она является первичным фундаментом современного мира. Немецкий философ исходит из совершенно других предпосылок, его рассуждение начинается с поиска метафизических основ культуры. История предстает в творчестве Э. Юнгера как смена гештальтов: «История не порождает гештальты, она изменяется вместе с гештальтами» [Юнгер 2000: 146]. Современную эпоху немецкий философ понимает как господство гештальта рабочего:

«Необходимо знать, что в эпоху рабочего... не может быть ничего, что не было бы постигнуто как работа... Итак, работа есть не деятельность как таковая, а выражение особого бытия, которое стремится наполнить свое пространство, свое время, исполнить свою закономерность» [Юнгер 2000: 128, 153]. Конкретный рабочий в таком случае – лишь феноменальная явленность гештальта рабочего, техника же оказывается способом, которым этот гештальт покоряет мир, она не причина современного мира, а его следствие – следствие господства гештальта рабочего.

Свое видение недостаточности дискурса об индустриализации для понимания природы техники и сути современности обосновывает и М. Хайдеггер. В некотором смысле на этом пути он следует за более молодым современником – Э. Юнгером. Уже в первых абзацах «Вопроса о технике» автор указывает: «...сущность техники не есть что-то техническое» [Хайдеггер 1993: 221]. М. Хайдеггер отмечает, что одно лишь инструментальное или антропологическое истолкование техники совершенно несостоятельно, при такой интерпретации ускользает главное. В таком случае что же такое техника? Немецкий философ следующим образом отвечает на этот вопрос: «Техника – вид раскрытия потаенности... Это область выведения из потаенности, осуществления истины» [Там же: 225]. Соответственно, суть техники заключается вовсе не в «операциях и манипуляциях» и не в инструментальном покорении действительности, а в «свершении истины».

Вместе с тем современная техника существенно отличается от предыдущих времен. Она все еще есть раскрытие потаенности, но видит в ней исключительно инструментально-поставляющий способ преобразования действительности. Сегодня Рейн – это уже не река мифопоэтических стихов Ф. Гельдерлина, а встроенный в электростанцию поток, призванный поставлять электричество. Такое состояние подчиненности всего сущего поставляюще-производящему началу современной техники М. Хайдеггер называет «стоянием-в-наличии». Установку же, вовлекающую все, что выходит из потаенности в качестве стоящего-в-наличии, он именует по-ставом^{*}. «По-ставом, – пишет немецкий философ, – мы называем со-

---

^{*} По-став – так на русский язык В. В. Бибихин переводит немецкое *gestell*.

бирающее начало той установки, которая ставит, то есть заставляет человека выводить действительное из его потаенности способом поставления его как стоящего-в-наличии. По-ставом называется тот способ раскрытия потаенности, который правит существом современной техники, сам не являясь ничем техническим» [Хайдеггер 1993: 229]. Чем же тогда является по-став? По-став есть историческая форма сущего, посылающая человека на пути открытия потаенности, он судьба современного человека. По-став не реализуется нигде, кроме человеческой деятельности, но при этом он совершается «не только в человеке и не главным образом *через* него» [Там же: 231]. В таком случае техника есть производное от специфического, инструментального взгляда на мир, есть следствие по-става. Только когда мир предстал как объект, открытый для расчетного манипулирования, стала возможна и современная техника. Она не первооснова социальной организации, а строгое логическое следствие развития западноевропейской метафизики. В этой связи М. Хайдеггер пишет: «Современная физика не потому экспериментальная наука, что применяет приборы для установления фактов о природе, а наоборот: поскольку физика, причем уже в качестве чистой теории, заставляет природу представлять себя как расчетно предсказуемую систему сил, постольку ставится эксперимент, а именно для установления того, дает ли и как дает о себе знать представленная таким способом природа» [Там же: 230].

В поставляющей сущности современной техники М. Хайдеггер и видит главную ее угрозу. Технику воспринимают только как инструментальное средство преобразования мира, когда на самом деле она является способом свершения истины. Весь мир она представляет как исчисляюще-калькулируемый набор сил, заслоняющий более ранние способы раскрытия потаенности, «посреди правильного ускользает истинное» [Там же: 233] – в этом и состоит опасность современной техники. Вместе с тем здесь же таится и «спасительное»: увидеть в существе техники изначальный путь раскрытия потаенности и свершение истины, что и показывает М. Хайдеггер в данной работе, а не способ поставляюще-инструментального покорения мира.

Вслед за Ю. Хабермасом и Э. Гидденсом рассматривая модерн как уникальную социальную реальность, следует, скорее, согласиться с позицией Э. Юнгера и М. Хайдеггера, видящих в технике следствие изменившихся метафизических оснований культуры. Техника как инструментальное средство преобразования мира возможна, только когда это позволяет «культурная матрица» (В. С. Степин): сначала меняются культурные представления о существующем, и только после этого «открываются» релевантные им социальные практики. Иначе трудно объяснить, почему вместо храмов повсеместно стали строить стадионы, а место Сумм заняли Энциклопедии, вряд ли это связано только с технологическим укладом.

С другой стороны, даже сегодня, когда технологии все интенсивнее проникают практически во все области жизни, свести все разнообразие социального бытия к технологическому «базису» по-прежнему невозможно.

Переходя к выводам, следует сказать, что дискурс об индустриализации является одним из магистральных дискурсов самообоснования модерна, в котором он ищет собственную идентичность. В нем обоснована идея, согласно которой индустрия является необходимым элементом современного общества. Следует согласиться с тем, что технологическая составляющая является важной (в некоторых случаях – критической) подсистемой современного общества, однако понимание техники как основы такого общества представляется излишним. В этом контексте обоснованной выглядит скорее традиция Юнгера – Хайдеггера, согласно которой техника сама является производной от смены культурной парадигмы. В связи с этим при всей важности дискурса об индустриализации для понимания сущности модерна необходимо констатировать его недостаточность для этой функции.

Таким образом, дискурс об индустриализации является классическим вариантом тематизации дискурса о модерне, в котором он ищет собственное обоснование и идентичность. Вместе с тем дискурс об индустриализации не является исчерпывающим для понимания природы модерна как особой социальной реальности.

Литература

Арон Р. Вісімнадцять лекцій про індустріально суспільство // Сучасна зарубіжна соціальна філософія: Хрестоматія / упоряд. В. Лях. Київ : Либідь, 1996. С. 8–24.

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М. : Academia, 2004.

Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М. : АСТ : Транзиткнига; СПб. : Terra Fantastica, 2004.

Мионов В. В. Платон и современная пещера big-data // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2019. Т. 35. Вып. 1. С. 4–24.

Ростоу В. В. Стадии экономического роста. Нью-Йорк : Фредерик А. Прегер, 1961.

Сен-Симон А. Катехизис промышленников [Электронный ресурс]. URL: <https://avtonom.org/pages/katehizis-promyshlennikov>.

Степин В. С., Кузнецова Л. Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. М., 1994.

Уильямс А., Шрничек Н. Манифест акселерационистской политики // Логос. 2018. № 2. С. 7–20.

Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М. : Весь мир, 2003.

Хайдеггер М. Вопрос о технике / М. Хайдеггер // Время и бытие: Статьи и выступления. М. : Республика, 1993. С. 221–238.

Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли. СПб. : Наука, 2000.